

Коновалова Н.А. Об идентичности в архитектуре. Попытки теоретического осмысления // Современная архитектура мира. Вып. 26 (1/2026). С. 11–31
Konovalova N.A. On Identity in Architecture: Attempts at Theoretical Understanding // Contemporary World's Architecture. Vol. 26 (1/2026). Pp. 11–31

Научная статья

УДК 72.01

doi: 10.25995/NIITIAG.2026.26.1.001

ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ. ПОПЫТКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Нина Анатольевна Коновалова

НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Сибирский Федеральный университет, Москва, Россия, phuekirjuko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема идентичности в архитектуре как междисциплинарного понятия, актуализированного современными процессами глобализации и унификации архитектурно-пространственной среды. Для определения содержательного поля понятия «идентичность» предпринята попытка рассмотреть его использование в других науках и дисциплинах, выявив единые сущностные характеристики. На основе анализа первых работ по психологии и социологии, вводящих в научный оборот это понятие, а также трудов по политологии, фундаментальных культурологических теорий, феноменологического подхода и теории социального конструктивизма раскрываются механизмы формирования смыслового поля понятия «идентичность». В работе проводится терминологическое разграничение между понятиями «своеобразие», устоявшимся в отечественном архитектуроведении, и «идентичность». Обосновывается динамический, многослойный характер архитектурной идентичности, которая возникает как процесс решения реальных проблем и взаимодействия с контекстом. Делается вывод о необходимости смещения исследовательского фокуса с поиска уникальных черт на анализ механизмов формирования, сохранения и восстановления идентичности в конкретных исторических, социальных и политических условиях.

Ключевые слова: архитектурная идентичность, культурный код, критический регионализм, «дух места», социальный конструктивизм, глобализация и национальные особенности

Original article

ON IDENTITY IN ARCHITECTURE: ATTEMPTS AT THEORETICAL UNDERSTANDING

Nina A. Konovalova

Branch of the "Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation" NIITIAG, Siberian Federal University, Moscow, Russia, phuekirjuko@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of identity in architecture as an interdisciplinary concept brought to the forefront by the processes of globalization and the unification of the architectural and spatial environment. To define the conceptual field of "identity", an attempt is made to consider

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2026 год, тема 1.1.5.2.

its use in other sciences and disciplines, identifying common essential characteristics. Based on an analysis of early works in psychology and sociology that introduced the concept of "identity" into academic discourse, as well as studies in political science, foundational cultural theories, the phenomenological approach, and the theory of social constructivism, the mechanisms of forming the semantic field of the concept of "identity" are revealed. This paper draws a terminological distinction between "originality" (svoeobrazie) — a well-established concept in Russian architectural studies — and "identity" (identichnost). The dynamic, multi-layered nature of architectural identity is substantiated, emerging as a process of solving real-world problems and interacting with context. It is concluded that research focus must shift from identifying unique features to analyzing the mechanisms by which identity is formed, preserved, and restored under specific historical, social, and political conditions.

Keywords: architectural identity, cultural code, critical regionalism, "genius loci", social constructivism, globalization and national characteristics

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации проблема обретения и сохранения идентичности в архитектуре приобрела особую остроту. Архитектура, будучи материальной фиксацией нематериальных ценностей, убеждений и образа жизни общества, выступает одним из наиболее репрезентативных маркеров культурной идентичности. Однако само понятие «архитектурная идентичность» остается дискуссионным, требующим в настоящее время расширительного толкования и выработки специфических инструментов для анализа. Для этого необходимо обратиться к фундаментальным культурологическим, социологическим, политологическим концепциям, объясняющим содержание понятия «идентичность» в рамках своих дисциплин.

Чаще всего при определении некоего понятия обращаются к этимологии слова, от которого оно произошло. В английском языке использование существительного «identity» можно проследить еще со второй половины XVI в., причем оно отличается достаточно высокой частотностью употребления. При этом русское слово «идентичность» считается этимологическим гибридом и не встречалось ни в одном словаре частотности до 2000 года¹. Причиной этого является многозначность термина. Если в европейских гуманитарных науках концепт «идентичность» подразумевает конверсивные

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вострикова О. В. Существительные identity / идентичность: этносемиотрический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2 (80). С. 299–304.

² Гребенюк М. Н. Концепт «идентичность» в дискурсе гуманитарного знания // Аналитика культурологии. 2013. № 2 (26). С. 16–20.

³ Вострикова О. В. Существительные identity / идентичность: этносемиотрический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2 (80). С. 299–304. С. 302.

⁴ Erikson E. *Childhood and Society*. W. W. Norton & Co, 1950.

⁵ Erikson Erik H.; Erikson Joan M. *The Life Cycle Completed. In: Identity and the Life Cycle. Selected Papers*. New York: W. W. Norton & Company, 1959. ISBN 978-0-393-34743-2.

⁶ Казанцева Д. Б. К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской гражданской идентичности / Д. Б. Казанцева, Е. К. Климова, Т. Е. Чернышева // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 2 (50). С. 174–188. DOI 10.15507/2078-9823.50.020.202002.174-188. С. 182.

составляющие элементы, такие как индивидуальность, уникальность с одной стороны и общность, тождественность — с другой², выявляя его дуализм и многозначность, то в русском аналоге первичными и единственными значениями заимствованного слова были «одинаковость», «тождественность» и «соответствие», «соотнесенность»³. В современной науке дефиниция «идентичность» — многомерное понятие, оно используется в области гуманитарного знания в различных смыслах, рассматривается в разных плоскостях, и каждая самостоятельная наука дает свое раскрытие предмета исследования. Возможно, результат взаимовлияния философии, социологии, психологии, культурологии и других наук позволит наиболее объективно объяснить то, что не удавалось сделать средствами каждой из наук в отдельности.

ИСТОКИ ПОНЯТИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Впервые в научный оборот понятие «идентичность» вошло в психологии. Еще в начале XX в. Зигмунд Фрейд активно использовал смежное понятие «идентификация», определив его как бессознательный механизм формирования личности. Научный подход уже к проблеме идентичности впервые предложил Эрик Хомбургер Эриксон. В 1950 г. вышла его книга «Детство и общество»⁴, в которой Эриксон впервые детально описал и ввел в психологию понятие «идентичность» как эго-идентичность. Эриксон дал понятию психосоциальное измерение и определил «кризис идентичности» как центральный этап развития личности. В своей статье «Цикл жизни завершен»⁵ он выделил восемь этапов становления личности, указывая на то, что идентичность формируется только к пятому этапу — подростковому возрасту. В своей работе Э. Эриксон противопоставляет идентичность эго-неопределенности, утверждая, что «идентичность эго» — это позитивная составляющая личности, она определяет преданность человека социальным системам, позволяет избежать брожения сознания, но при излишней подпитке этой составляющей она может превратиться в фанатизм. Поэтому психолог указывает на необходимость соблюдения баланса между этими двумя конструктами.

Э. Эриксон оказал, и оказывает по сей день, значительное влияние на дальнейшее развитие этого научного направления. Современные исследователи, фиксируя ключевую роль духовно-нравственных ценностей в сохранении русской идентичности, выделяют среди наиболее важных элементов общие представления о добре и зле, передаваемые из поколения в поколение. Развивая эту теорию, авторы ссылаются на работы Эриксона, отмечавшего, что люди одной этнической группы имеют такие общие представления⁶. Кроме того, авторы указывают на традиционные христианские ценности, закрепленные в «Домострое», и прослеживают

путь их трансформации в советский период в коллективистские ценности, вошедшие в Моральный кодекс строителя коммунизма, где также был закреплён приоритет духовно-нравственного и социального над материальным и индивидуальным⁷. Таким образом, по концепции авторов, духовно-нравственная основа русской идентичности включает приоритет общего над частным, чувство единства и соборности, а также преемственность традиционных ценностей, таких как добро, справедливость, любовь к отечеству, ответственность перед предками и потомками.

Теория, импульс которой задал Э. Эриксон, во второй половине XX в. получила развитие в двух параллельных направлениях: теории социальной структуры и теории внутренних процессов. Представителями первого направления были Г.Х. Мид, Р. Серпе и др. Благодаря этим ученым в центре научного дискурса оказался анализ того, как большие социальные структуры влияют на становление отдельной личности, которая с ней связана (на примере религии, этничности и др.). Вторая теория, теория внутренних процессов, представляет конструирование идентичности как действие по приведению внешнего мира в соответствие с внутренними стандартами. В 2000 г. Ш. Страйкер и П. Брук произвели синтез этих подходов, определив процесс самоидентификации как верификацию стандартов, заложенных в человека теми социальными структурами, к которым он относится, и в последствии требующих постоянной апробации⁸.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Эволюция понятия идентичности в международных отношениях прошла долгий путь, активно использовавшись исторически в ходе этногенеза и национального строительства, затем уйдя на второй план в ходе периода колонизации и вернувшись в активный политический дискурс в конце

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ Казанцева Д. Б. К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской гражданской идентичности. С. 183–184.

⁸ Stryker S., and Peter J. Burke. "The Past, Present, and Future of an Identity Theory". *Social Psychology Quarterly*, vol. 63, no. 4, 2000, pp. 284–297. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2695840>. Accessed 5 Nov. 2025.

⁹ Hurd Ian. *Constructivism*, in Christian Reus-Smit, and Duncan Snidal (eds), *The Oxford Handbook of International Relations* (2008; online edn, Oxford Academic, 2 Sept. 2009), <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199219322.003.0017>, accessed 28 February 2026

¹⁰ Wendt A. *Social theory of international politics* Cambridge. UK ; New York : Cambridge University Press. 1999, 459 p.

1980-х — 1990-х гг. Важно подчеркнуть, что в 1990-е гг. идентичность не ввели в научный оборот с нуля — о ней «вспомнили» в том ключе, что философские размышления о природе «самости» и отличительных чертах, отделяющих одни народы от других, велись еще во времена Платона. Причиной возобновление разговоров об идентичности как основе международных процессов стали масштабные перемены в мировом порядке после холодной войны, объяснить которые затруднялись классические подходы к анализу международных отношений⁹. Лишь с подъемом теории социального конструктивизма, окончанием холодной войны и на волне процессов глобализации исследователи «открыли» идентичность как социально сконструированную основу государственного интереса, границ, конфликтов и мирного сотрудничества. Представители социального конструктивизма (Н. Онуф, А. Вендт, М. Финнемор, П. Катценштайн и др.) заявляют, что акторы обладают известной автономией действий, которая, однако, обусловлена (но не детерминирована) структурами международной системы. В основе конструктивистского подхода лежит попытка отказа от представления о мировой системе как хаотичной и унифицированной с целью подчеркнуть уникальную природу каждого отдельного элемента международных отношений, этноса, народа, государства как сконструированных из блоков наследованной истории и развивающейся региональной культуры, оформившихся во взаимодействии и взаимосвязи с другими элементами системы.

Наиболее известным примером попытки частичного применения данной концепции является работа американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой автор отмечает, что цивилизация — это широчайшие культурные общности, в которых язык, антропологические особенности, религия, образ жизни, социальные институты являются теми объективными моментами, которые определяют бытие социокультурной общности.

Один из виднейших представителей конструктивизма Александр Вендт в своей основополагающей — фундаментальной работе «Социальная теория международной политики»¹⁰ прямо называет свой проект «культурной теорией международной политики». Вендт бросил вызов доминировавшим тогда неореализму и неолиберализму, которые рассматривали интересы и идентичности государств как экзогенные (заданные извне природой анархии, или физической силой, или некими абстрактными общими ценностями и стремлениями). Он аргументированно доказал, что структура международной системы — это не только распределение сил (как у неореалистов), но и распределение идей — intersубъективных значений (как у неолибералов). По Вендту, ключевым элементом международной политики является идентичность государства, которая формируется и реконструируется в процессе взаимодействия с «Другими»

(другими государствами). Именно в формировании собственной диспозиции на основании внешних условий оно образует собственную идентичность (например, государство, напоминающее своими действиями «осажденную крепость», как Чили во время правления А. Пиночета (1973–1990), или «миротворца», как Франция при Н. Саркози или современный Пакистан при А. Зардари, согласно его типологии). Взаимодействие создает социальные структуры, которые, в свою очередь, конструируют идентичности акторов. Вендт, таким образом, перенес диалектику «Я — Другой» на уровень межгосударственных отношений, доказав, что даже такие «твердые» категории, как национальный интерес, являются результатом социального конструирования. В развитие этой идеи современные исследования в области международного измерения идентичности оставляют в центре внимания такой критерий, как оценку внешнего сообщества, которая может как совпадать, так и не совпадать с объективными характеристиками страны¹¹. Но восприятие «извне» остается существенной составляющей идентичности и часто оказывает непосредственное влияние на формирование самооценки нации.

ТЕОРИЯ «КУЛЬТУРНОГО КОДА»

Тесно связано с понятием «идентичность» другое понятие — «культурный код». Именно культурный код, как наиболее устойчивый и слабо подверженный изменениям, становится тем инструментом, который позволяет идентичности возникнуть и сохраняться. Ряд исследователей предлагают модели формирования культурного кода, объясняющие скрытые механизмы, составляющие уникальность той или иной культуры.

Одной из фундаментальных является модель «культурного айсберга», предложенная американским антропологом Эдвардом Холлом¹². Согласно его концепции, культура подобна айсбергу, где лишь малая, видимая (надводная) часть

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ Чжэн Ш. Национальная идентичность России и международная идентичность «Другого» // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 119–126.

¹² Hall E. T. *Beyond Culture*. Anchor Books, 1976.

¹³ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 1999.

представлена внешними проявлениями: языком, этикетом, архитектурой, искусством, кухней. Гораздо более значительная — скрытая (подводная) часть. Она содержит глубинные структуры: систему ценностей, представления о времени и пространстве, верования, модели мышления и восприятия мира. Именно эти невидимые элементы определяют и формируют видимые. Применительно к архитектуре эта теория означает, что форма архитектурного произведения, организация его пространства, выбор материалов являются прямым следствием глубинных мировоззренческих установок общества. Однако модель «культурного айсберга» Эдварда Холла, при всей ее эвристической ценности, оставляет открытым вопрос о том, как именно глубинные, невидимые слои переходят в видимые архитектурные формы. Очевидно, что такой переход не является ни автоматическим, ни зеркальным, так как один и тот же ценностный компонент в отличных исторических или природных условиях может быть реализован в различных архитектурных решениях. Следовательно, культурный код не функционирует как система жестких правил, скорее он представляет собой некую программу, внутри которой возможны вариации. Архитектура в таком случае выступает активным инструментом ее воспроизводства и трансляции, организуя повседневную жизнь, сохраняя иерархическое соподчинение и сакральные зоны. Таким образом, она как будто заново «вписывает» глубинные смыслы в пространство города.

Теорию «культурного кода» развивает Александр Вендт, один из ключевых представителей социального конструктивизма в международных отношениях. Вендт вносит в понятие культурного кода динамическое измерение. Он утверждает, что идентичность государства, а следовательно, и его культурные проявления, не является данностью, она конструируется через систему коллективных значений, разделяемых представлений и практик взаимодействия¹³. «Культурный код», согласно его теории, есть продукт социального соглашения о «кто мы есть» и «что для нас важно». Этот сконструированный код затем материализуется в символических формах, среди которых архитектура играет ключевую роль, будучи мощным инструментом репрезентации национальной идентичности. Идентичность, согласно Вендту, воспроизводится через практики взаимодействия, но практики эти всегда пространственно локализованы. Здания, улицы, площади становятся теми «памятниками» (в широком смысле) социального соглашения, которые придают эфемерным коллективным представлениям о «кто мы есть» почти осязаемую длительность. Более того, архитектурная среда способна навязывать последующим поколениям уже готовые коды, даже когда первоначальные социальные соглашения утрачены или пересмотрены. Это приводит к известному феномену «инерции культурного кода», когда форма продолжает

функционировать как маркер идентичности, тогда как ее исходное смысловое наполнение оказалось вытеснено или переозначено.

Значительный вклад в теорию культурного кода и осмысление глобальных культурных различий внес Сэмюэл Хантингтон своей концепцией столкновения цивилизаций¹⁴. Хантингтон идентифицирует цивилизации как высшие культурные общности, различающиеся по фундаментальным параметрам: история, язык, религия, обычаи, институты. Хантингтон подчеркивает, что таких общностей на планете не так много, выделяя всего восемь: западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская, возможно, африканская. Важнейшим разделительным признаком он считает религию, доказывая возрастающую релевантность религиозного фактора для объединения народов в новейшее время, но, что важнее, подтверждает мысль о том, что в условиях современного мирового порядка государства, имея все больше каналов взаимодействия в глобальном измерении, продолжают легко отделять «своих» от «чужих», не сливаясь в единое «глобальное общество», имея различные глубинные «настройки», что продолжит вызывать крупные конфликты по линиям «цивилизационных разломов»¹⁵.

Каждая цивилизация, по Хантингтону, обладает своим уникальным культурным кодом, который проявляется во всех сферах жизни, включая градостроительство и архитектуру. Таким образом, архитектурная идентичность в рамках данной концепции производна от цивилизационной принадлежности. Однако цивилизационный подход Сэмюэля Хантингтона сталкивается с трудностями на уровне локальной архитектурной идентичности. Определяя религию как главный разделительный признак цивилизаций, Хантингтон неизбежно нивелирует внутреннюю гетерогенность самих цивилизаций. Так, например, в рамках исламской цивилизации сосуществуют глубоко различные архитектурные традиции Магриба, Ближнего Востока, Средней Азии

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁴ Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 1996.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Текст] : Сэмюэль Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. Москва: АСТ, 2014. 571, [2] с. : ил., карты, табл. : 21 см. (Политика).; ISBN 978-5-17-072374-4.

¹⁶ Лотман Ю. М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. [Сб.] 17: Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. С. 5–23. (Ученые записки Тартуского государственного университета ; вып. 641).

¹⁷ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Развитие личности. 2017. № 1. С. 13–59. EDN ZOFXYD

¹⁸ Там же.

и Юго-Восточной Азии, каждая из которых обладает собственным культурным кодом. Следовательно, цивилизационная принадлежность задает лишь самые общие, часто косвенные ограничения (например, отношение к репрезентации сакрального или организации приватного и публичного пространства), но не определяет архитектурную идентичность непосредственно. Более продуктивным представляется рассматривать цивилизационный код как своего рода рамку верхнего уровня, внутри которой действуют более конкретные региональные, этнические и локальные коды, способные конфликтовать или вступать в гибридизацию.

Наконец, важным дополнением к перечисленным моделям является семиотический подход Юрия Лотмана, который понимает культуру как знаковую систему, а культурный код — как совокупность правил, организующих производство и интерпретацию текстов. Архитектура в этой перспективе предстает как особый «текст», одновременно иконический и конвенциональный. Лотман вводит понятие семиосферы как единого семиотического пространства, в котором циркулируют коды разного уровня¹⁶. Архитектурная идентичность, с этой точки зрения, возникает на границах семиосферы, в зонах перевода с одного культурного кода на другой. Именно в таких границах, между глобальным и локальным, между традицией и современностью, между разными цивилизационными ареалами, и формируется наиболее напряженная и рефлексивная идентичность, близкая к тому, что К. Фрэмpton назвал «критическим регионализмом».

Понятие семиосферы, введенное Ю. Лотманом, позволяет существенно углубить анализ архитектурной идентичности, рассматривая культуру как динамическое семиотическое пространство. Лотман определяет семиосферу как «семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса — порождения и передачи смыслов»¹⁷. Это пространство, подобно биосфере Вернадского, представляет собой не сумму отдельных знаковых систем, а условие их существования и работы. Целостность семиосферы обеспечивается «памятью и способностью к абстрагированию» как гносеологическими предпосылками созидания мира культуры. Семиотический опыт, по Лотману, парадоксальным образом предшествует любому отдельному семиотическому акту: «устройство, состоящее из адресанта, адресата и связывающего их единственного канала, еще не будет работать. Для этого оно должно быть погружено в семиотическое пространство»¹⁸. Таким образом, создается многомерное и динамическое образование, которое одновременно укоренено в длительной истории практик, конструируется текущими социальными взаимодействиями и материализуется в архитектурных формах, а затем начинает жить собственной жизнью, подчас переопределяя ту идентичность, которую призвано выражать.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРХИТЕКТУРЕ

Понятие идентичности в архитектурной науке представляет собой сложный, многослойный концепт, актуализация которого непосредственно связана с нарастающими темпами глобализации, процессы которой стирают границы между городами, странами, культурами, охватывая весь мир. В ответ на это возникает необходимость пересмотра подходов к архитектурному проектированию и городскому планированию, поиска методов сохранения уникальности мест и обретение локальной идентичности современной архитектуры.

В архитектурно-градостроительной науке понятие идентичности начало разрабатываться значительно позже, чем в других дисциплинах. В отечественной научной традиции, как подчеркивается в современных исследованиях, концепция идентичности стала предметом систематического рассмотрения лишь в последние несколько лет¹⁹. Это свидетельствует о формировании нового исследовательского направления, находящегося на этапе становления собственного понятийного аппарата и методологического инструментария. Поэтому историографический обзор неизбежно должен охватить и крупнейшие зарубежные исследования, в рамках которых понятийный аппарат в интересующей нас области уже оформился.

Одной из центральных категорий, которая имеет важное теоретическое значение при обсуждении смыслового поля понятия идентичности в архитектуре, может считаться концепция гения места (*genius loci*), введенная Кристианом Норбергом-Шульцем в 1981 г. Согласно этой концепции, каждое место обладает своей уникальной сущностью, складывающейся из природного (ландшафт, климат) и антропогенного (история, культура) контекстов. Задача архитектуры, по его мнению, заключается в том, чтобы «обжить», выявить, проявить и обогатить дух конкретного места. Согласно этой концепции, идентичная архитектура позволяет

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁹ Идентичность и (СТО) личность. Поиски методов и подходов / Е. В. Барина, Н. Г. Благовидова, О. А. Иванова // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей, Москва, 08–12 апреля 2024 г. М.: Московский архитектурный институт, 2024. С. 332–337.

²⁰ Frampton K. *Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance*. In: *The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture* / Ed. by H. Foster. Bay Press, 1983.

²¹ Ibid. P. 16.

²² Khelifi S., Mebarki A. *Assessing Identity in the Recent Algerian Architectural Production: Case of Administrative Buildings of Béchar* // *Architecture*. 2026. Vol. 6, No. 1. P. 13. DOI: 10.3390/architecture6010013.

²³ Ibid.

²⁴ Gehl J. *Life Between Buildings: Using Public Space*. The Danish Architectural Press, 2001.

человеку обрести «экзистенциальную опору», почувствовать свою принадлежность к определенному месту. Норберг-Шульц анализировал, как разные культуры по-разному «обживали» мир, создавая уникальные пространственные структуры. Идентичность, таким образом, можно трактовать как экзистенциальную связь между человеком, его творением, архитектурой и физическим миром. Эта идея получила развитие в работах теоретиков регионализма, в центре внимания которых оказались способы выражения локальной идентичности.

Как следствие, в историографическом дискурсе об архитектурной идентичности особое место занимает теория «критического регионализма» Кеннета Фрэмптона. Подход ученого принципиально дистанцируется как от ностальгического цитирования исторических форм, так и от слепого следования глобальным трендам. Фрэмптон определяет критический регионализм как тактическую позицию, призванную сгладить напряжение между универсальной цивилизацией и локальной культурой²⁰. Идентичность в такой трактовке рождается, прежде всего, из глубокого диалога с конкретными условиями места, его топографией, климатом, материалом. К. Фрэмптон выделяет несколько стратегий подобного диалога. Прежде всего, речь идет об акценте на тактильности и сопротивлении овеществлению, где специфика фактуры и материала имеет решающее значение. Одним из ключевых выделяется принцип включения архитектуры в рельеф местности, создающий визуальную ауру места и использование света как главного элемента, наполняющего пространство. Таким образом, фундаментальная стратегия критического регионализма — «быть посредником между воздействием универсальной цивилизации и элементами, которые берутся опосредованно из особенностей определенного места»²¹.

Согласно определению профессора Технологического института университета Гюстава Эйфеля А. Мебарки, идентичность в архитектуре понимается как «качество, позволяющее отличать один объект от другого, его способность сохранять различительные характеристики вне зависимости от изменяющихся обстоятельств»²². В одной из работ, посвященных оценке идентичности в современной архитектуре и городской среде, С. Хелифи и А. Мебарки выделяют три основополагающих принципа идентичности: способность сохранять неизменность при неблагоприятных воздействиях среды, установление границ, позволяющих определить отличия, и связь между элементами, позволяющая признавать их тождественность²³.

В более практическом ключе датский архитектор Ян Гейл сместил фокус с формы зданий на жизнь, которая протекает между ними²⁴. Его теория, основанная на систематическом наблюдении за поведением людей в городах, утверждает, что подлинная идентичность города

формируется не отдельными объектами-иконами, а качеством его публичных пространств. Идентичность здесь — это ощущение места, создаваемое человеческим масштабом, возможностями для взаимодействия и «мягкими» факторами: удобствами для сидения местами, защищенностью от ветра и солнца, наличием визуально доступных активностей. Архитектура, по Гейлу, должна создавать «приглашающую» среду. Таким образом, идентичность становится функцией не столько визуального образа, сколько социального опыта, который это пространство порождает.

Ключевое свойство идентичности, выделяемое в современной научной литературе, — это ее динамический характер. Анализ и сравнение различных определений показывают, что непрерывность и изменение являются двумя главными характеристиками идентичности. Идентичность не является статичной или неизменной, она эволюционирует в зависимости от ситуаций и перспектив.

Важным вкладом в становление проблематики идентичности в урбанистике стало понятие «образности», которое ввел Кевин Линч в начале 1960-х гг. Согласно Линчу, город с сильной образностью должен восприниматься как хорошо сформированный, отчетливый и запоминающийся. В своей работе он утверждал, что каждый город или район должен обладать уникальными идентифицирующими характеристиками, а анализ образа среды предполагает выделение трех его фундаментальных компонентов: идентичности, структуры и значения²⁵.

Городская идентичность имеет глобальные, национальные, местные и пространственные измерения, а ее концепция многогранна: ориентиры, история, наследие, культура, язык, память и музыка. Исследователи определяют городскую идентичность как многогранное понятие, которое охватывает характер и самобытность места, отражая культуру и устремления местного сообщества²⁶. Она формируется под влиянием социальных, культурных и исторических атрибутов,

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁵ Линч К. Образ города / пер. с англ.: Глазычев В. Л.; ред.: Иконников А. В. М.: Стройиздат, 1982.

²⁶ Hassan Z., Albialy A. (2025). Urban identity: A bibliometric review, 1969–2024. *Alexandria Engineering Journal*. 128. 724–746. 10.1016/j.aej.2025.07.016.

²⁷ Venturi R. A Justification for a Pop Architecture // *Arts and Architecture*, April 1965. P. 22.

²⁸ Вентури Р., Скотт-Браун Д., Изенур С. Учиться у Лас-Вегаса: забытый символизм архитектурной формы / пер. с англ. М. В. Предтеченского; под ред. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1977.

²⁹ Кертис У. Дж. Р. Современная архитектура с 1900 года / пер. с англ. 3-е изд. London: Phaidon Press, 1996. С. 388.

³⁰ Есаулов Г. В. От экологии культуры к идентичности месту и времени // *Academia*. Архитектура и строительство. 2025. № 4. С. 15–23. DOI 10.22337/2077–9038-2025-4-15-23. EDN UCVSRX

а также материальных элементов, таких как архитектура и городская среда. Поэтому идентичность можно определить как динамичное свойство, где региональные, социальные, психологические, временные, поведенческие и идеологические измерения вносят совокупный вклад в ее формирование.

Парадигмальный сдвиг в понимании идентичности связан также с деятельностью Роберта Вентури. В 1965 г. он опубликовал критическую статью «Обоснования архитектуры поп-арта», в которой представил новое видение архитектуры в противовес жестким концепциям модернизма²⁷. Вентури обвинил модернистов в мышлении об архитектуре как о чем-то отвлеченном и призвал архитекторов уделять больше внимания традиции, методам строительства, климатическим условиям и возможностям использования зданий. В 1972 г. совместно с Дениз Скотт-Браун и Стивеном Изенуром он опубликовал знаменитую работу «Учитесь у Лас-Вегаса», где критиковал модернистов за пренебрежение контекстом, предлагая вместо этого рассматривать существующую среду как источник для создания архитектуры, адаптированной к специфике места²⁸.

Значительный вклад в осмысление проблемы интеграции традиции и современности внес Уильям Дж. Р. Кертис. Он указывает на то, что эта проблема особенно актуальна для тех стран, где создающиеся новые формы вступают в конфликт с многовековыми строительными традициями и часто оказываются нерелевантными культуре страны, природному ландшафту и региональным климатическим условиям. В 1996 г. Кертис предложил концепцию аутентичного регионализма. «Аутентичность предполагает подлинность и добросовестность — противоположность подделке, — пишет он. — Она подразумевает формы, основанные на принципах, формы, которые избегают произвольности и являются адекватными на нескольких уровнях»²⁹.

Параллельно с западной традицией в отечественной науке развивается собственное понимание архитектурной идентичности. Российские исследователи рассматривают идентичность прежде всего в контексте экологии культуры и историко-культурного наследия. Как отмечает Г.В. Есаулов, спектр направлений деятельности по формированию идентичности охватывает сферы создания идентичности архитектуры месту и времени, референсом которой является учет ряда факторов и использование определенных средств и приемов при обращении к историческим прототипам, современным принципам и технологиям устойчивого развития³⁰. В его статье «идентичность» понимается как целенаправленное свойство архитектуры и градостроительства, обеспечивающее неразрывную связь объекта с культурно-историческими особенностями конкретного места и с актуальными технологическими, экологическими

и цивилизационными вызовами современности. Понятие «идентичность», таким образом, раскрывается через различение двух основных векторов, которые автор последовательно противопоставляет и связывает на протяжении своего исследования: идентичность месту и идентичность времени. Идентичность месту рассматривается как вектор, ориентированный на связь архитектуры с конкретной локацией, ее историко-культурным контекстом, природными особенностями и традициями. Это выявление специфических черт, присущих именно данному месту, от аллюзий исторических стилей до мифологических и литературных образов. Идентичность месту предполагает работу с «многослойностью наследия», выбор определенного архитектурного слоя в качестве основы для современного осмысления³¹. Идентичность времени рассматривается Г. В. Есауловым как вектор, ориентированный на современность, технологический прогресс и глобальные вызовы. Автор связывает его с «новым рационализмом» и устойчивым развитием, это и использование экологических и энергоэффективных технологий, и принципов устойчивого развития, новых материалов и инженерных решений. Автор предполагает, например, что для массовой жилой застройки будет доминировать именно идентичность времени, основанная на экономичности и технологичности. Ключевым положением статьи является то, что уникальные объекты стремятся к сочетанию идентичности месту и времени. Автор уточняет, что «локализация в наибольшей степени свойственна идентичности месту, а эколого-энергоэффективные технологии и другие технологии устойчивого развития — идентичности времени»³², подчеркивая необходимость их грамотного совмещения в зависимости от типа объекта.

В рамках общей с Г. В. Есауловым теоретической парадигмы работает и Н. В. Плотикина, рассматривая сельскую идентичность как частный случай «идентичности с местом», которая понимается как «совокупность эмоций, чувств и смыслов, которыми наделяется значимое для самоопределения

ПРИМЕЧАНИЯ

³¹ Есаулов Г. В. От экологии культуры к идентичности месту и времени. С. 15–23.

³² Там же. С. 22.

³³ Плотикина Н. В. Сельская идентичность как «идентичность с местом» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2019. № 34. С. 34–38.

³⁴ Благовидова Н., Иванова О. Семантический каркас как инструмент формирования идентичности города — региональной столицы: Часть 1. Архитектурно-пространственная среда региональных столиц. Семантика и идентичность // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 4. С. 110–116. DOI: 10.22337/2077-9038-2024-4-110-116

³⁵ Рождественская Е. С. Стратегии ревитализации общественных озелененных пространств исторических центров городов // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2024. № 3 (96). С. 175–183. DOI 10.35211/18154360_2024_3_175. EDN PBXYYP

индивида место»³³. Таким образом, оба автора исходят из того, что идентичность неразрывно связана с местом, неким физическим пространством, которое понимается как носитель культурных смыслов, истории и социальной активности. Однако у авторов совершенно различные акценты исследований. Н. В. Плотикина фокусируется на человеке и сообществе, анализируя, как люди через определенное место обретают идентичность. Г. В. Есаулов концентрирует внимание на архитектуре и среде, выявляя, как материальные объекты транслируют идентичность места. Поэтому для Н. В. Плотикиной, которая смотрит «изнутри» (глазами жителя), идентичность — это «совокупность эмоций и чувств», а для Г. В. Есаулова, рассматривающего исследовательскую проблему «снаружи» (глазами архитектора), идентичность — это «стабильное» состояние, закрепленное в формах и пространствах. Таким образом, оба автора работают в рамках теории «place identity», дополняя друг друга, и их совместное рассмотрение позволяет увидеть целостную картину феномена идентичности места, которое существует и как внутреннее чувство человека (чувство привязанности, укорененности), и как внешнее выражение в материальной среде (архитектура, городская застройка).

В работах российских авторов выделяются различные подходы к изучению идентичности. Н. Благовидова и О. Иванова обосновывают применение семантических подходов к анализу архитектурно-пространственной городской среды, отражающей региональную идентичность, и рассматривают возможность использования принципа теоретической модели семиотического каркаса города. В исследовании, посвященном идентичности городов — столиц регионов, авторы подчеркивают, что архитектурно-пространственная среда столицы региона наилучшим образом передает региональную идентичность, демонстрируя не только особенности статуса, но и полноту и точность отображения всех аспектов региональной специфики³⁴. Е. С. Рождественская определяет «коды идентичности» как совокупность уникальных и узнаваемых характеристик места, которые формируют его неповторимый облик и дух³⁵. Такие характеристики могут существовать как в материальной, так и в нематериальной форме. Автор выделяет два подхода к работе с ними: сохранение существующих кодов (это бережное отношение к исторически сложившимся элементам, ставшим неотъемлемой частью образа места) и создание новых кодов (это цитирование или переосмысление исторических стилей для сохранения преемственности с культурным наследием города). Идентичность исторической среды, таким образом, понимается как сложная многослойная структура, которая формируется на нескольких уровнях: ландшафтно-экологическом, историко-культурном, объемно-пространственном и функционально-инфраструктурном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный междисциплинарный анализ, охвативший психологию, социологию, политологию и культурологию, позволяет не только обобщить ключевые характеристики архитектурной идентичности, но и сделать важный терминологический вывод. Понятие «идентичность», пришедшее в отечественный научный дискурс из европейской традиции, не является прямым синонимом привычного и устоявшегося в русском языке понятия «своеобразие». Осознание этого различия имеет принципиальное значение для дальнейшего развития теории архитектуры.

Традиционно под «своеобразием» понимается совокупность устойчивых, имманентно присущих объекту или месту отличительных черт. Своеобразие в этом смысле мыслится как данность, т. е. свойство, которое у места есть или которого нет. Понятие «идентичность», напротив, несет в себе принципиально иной, процессуальный и реляционный заряд. Как показали работы Э. Эриксона, А. Вендта и теоретиков социального конструктивизма, идентичность формируется в диалоге с «Другим» (другими культурами, эпохами, социальными группами) и не может быть определена вне этого отношения. Таким образом, «идентичность» становится динамичной, во многом ситуативной и уязвимой, она «пересобирается» в ответ на внешние вызовы и воздействия, а также внутренние кризисы. Идентичность — это очень уязвимая субстанция. Особенно остро вопрос ее обретения стоит в современной поликультурной среде, где историческая идентичность может быть легко утрачена.

Проведенный анализ показал многослойность понятия «идентичность»: одна и та же архитектурная среда может одновременно актуализировать локальную, региональную, национальную и цивилизационную идентичности, которые нередко вступают в конфликт. Кроме того, она требует постоянной репрезентации и верификации через социальные практики, ритуалы повседневности, медиа и, конечно, архитектурные формы. Таким образом, идентичность не существует, пока она не «проявлена» и не признана сообществом.

Архитектурная идентичность не сводится к сумме локальных особенностей, она рождается в точке напряжения между унаследованным культурным кодом, реальными запросами пользователей и глобальными трендами, которые необходимо критически переработать. Признание этого различия снимает ложную дилемму, касающуюся необходимости сохранять «своеобразие» любой ценой или быть на волне современности. Вместо этого открывается пространство для рефлексивного проектирования, где идентичность понимается как открытая задача, а не готовый рецепт. Именно широта, гибкость и многоуровневость понятия «идентичность» делают его адекватным инструментом для анализа

и формирования среды в эпоху глобализации, когда способность места к диалогу с миром без потери собственного лица становится главным условием его устойчивого развития.

Следовательно, дальнейшие исследования в этой области должны сместить акцент с поиска «уникальных черт», что свойственно понятию «своеобразие», на анализ механизмов формирования, сохранения и восстановления архитектурной идентичности в определенных исторических, социальных и политических условиях. Только такой подход может преодолеть как ностальгический традиционализм, так и безликий универсализм, предоставив архитектуре XXI века эффективный инструментарий для создания по-настоящему значимой, укорененной и при этом современной среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Благовидова Н., Иванова О.* Семантический каркас как инструмент формирования идентичности города — региональной столицы: Часть 1. Архитектурно-пространственная среда региональных столиц. Семантика и идентичность // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 4. С. 110–116. DOI: 10.22337/2077-9038-2024-4-110-116.
2. *Вентури Р., Скотт-Браун Д., Изенур С.* Учитесь у Лас-Вегаса: забытый символизм архитектурной формы / пер. с англ. М.В. Предтеченского; под ред. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1977.
3. *Вострикова О.В.* Существительные identity / идентичность: этносемиотрический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2 (80). С. 299–304.
4. *Гребенюк М.Н.* Концепт «идентичность» в дискурсе гуманитарного знания // Аналитика культурологии. 2013. № 2 (26). С. 16–20.
5. *Есаулов Г.В.* От экологии культуры к идентичности месту и времени // Academia. Архитектура и строительство. 2025. № 4. С. 15–23. DOI 10.22337/2077-9038-2025-4-15-23. EDN UCVSRX
6. Идентичность и (СТО) личность. Поиски методов и подходов / Е.В. Баринаова, Н.Г. Благовидова, О.А. Иванова // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей, Москва, 08–12 апреля 2024 г. М.: Московский архитектурный институт, 2024. С. 332–337.
7. *Казанцева Д.Б., Климова Е.К., Чернышева Т.Е.* К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской гражданской идентичности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 2 (50). С. 174–188. DOI 10.15507/2078-9823.50.020.202002.174-188.
8. *Кертис У. Дж. Р.* Современная архитектура с 1900 года / пер. с англ. 3-е изд. London: Phaidon Press, 1996.
9. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Развитие личности. 2017. № 1. С. 13–59. EDN ZOFXYD

10. Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. [Сб.] 17: Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. С. 5–23. (Ученые записки Тартуского государственного университета; вып. 641).
11. Плотицина Н.В. Сельская идентичность как «идентичность с местом» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2019. №34. С. 34–38.
12. Рождественская Е.С. Стратегии ревитализации общественных озелененных пространств исторических центров городов // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2024. №3 (96). С. 175–183.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Текст]: Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: АСТ, 2014. 571, [2] с.: ил., карты, табл.: 21 см (Политика).; ISBN 978-5-17-072374-4.
14. Чжэн Ш. Национальная идентичность России и международная идентичность «Другого» // Социально-гуманитарные знания. 2023. №5. С. 119–126.
15. Berger P.L., & Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Anchor Books. 1966.
16. Derman G.S. Social constructivism in international relations theory // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2021. №4 (137). С. 35–50. DOI 10.32523/2616-6887/2021-137-4-35-50
17. Erikson E. Childhood and Society. New York: W. W. Norton & Co, 1950.
18. Erikson E. H.; Erikson J. M. The Life Cycle Completed. In: Identity and the Life Cycle. Selected Papers. New York: W. W. Norton & Company, 1959.
19. Frampton K. Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance. In: The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture / Ed. by H. Foster. Bay Press, 1983.
20. Gehl J. Life Between Buildings: Using Public Space. The Danish Architectural Press, 2001.
21. Hall E. T. Beyond Culture. Anchor Books, 1976.
22. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon & Schuster, 1996.
23. Hurd Ian. "Constructivism", in Christian Reus-Smit, and Duncan Snidal (eds), The Oxford Handbook of International Relations (2008; online edn, Oxford Academic, 2 Sept. 2009), <https://doi.org/10.1093/oxford-hb/9780199219322.003.0017>, accessed 28 February 2026.
24. Khelifi S., & Mebarki A. Assessing Identity in the Recent Algerian Architectural Production: Case of Administrative Buildings of Béchar / S. Khelifi, A. Mebarki // Architecture. 2026. Vol. 6, No. 1. P. 13. DOI: 10.3390/architecture6010013.
25. Norberg-Schulz C. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. Rizzoli, 1980.
26. Stryker S., Peter J. Burke. "The Past, Present, and Future of an Identity Theory". Social Psychology Quarterly, vol. 63, no. 4, 2000, pp. 284–297. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2695840>. Accessed 5 Nov. 2025.
27. Venturi R. A Justification for Pop Architecture // Architectural Forum. 1965. Vol. 123, No. 4. Pp. 56–61.
28. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999.

REFERENCES

1. Blagovidova N., Ivanova O. Semantic framework as a tool for shaping the identity of a regional capital city: Part 1. Architectural and spatial environment of regional capitals. Semantics and identity (Semanticheskij karkas kak instrument formirovaniya identichnosti goroda — regional'noj stolicy: Chast' 1. Arhitekturno-prostranstvennaya sreda regional'nyh stolic. Semantika i identichnost') // *Academia. Architecture and Construction (Academia. Arhitektura i stroitel'stvo)*. 2024. No. 4. Pp. 110–116. DOI: 10.22337/2077–9038-2024-4-110–116 [in Russian].
2. Venturi R., Scott-Brown D., Izenour S. *Learning from Las Vegas: The Forgotten Symbolism of Architectural Form (Uchites' u Las-Vegasa: zabytyj simvolizm arhitekturnoj formy)*. Translated from English by M. V. Predtechensky; edited by V. L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat, 1977 [in Russian].
3. Vostrikova O. V. Nouns identity / identichnost: an ethnosemiometric aspect (Sushchestvitel'nye identity / identichnost': etnosemiometricheskij aspekt) // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki)*. 2018. No. 2-2 (80). Pp. 299–304. [in Russian].
4. Grebenyuk M. N. The concept of "identity" in the discourse of humanitarian knowledge (Koncept "identichnost'" v diskurse gumanitarnogo znaniya) // *Analytics of Cultural Studies (Analitika kul'turologii)*. 2013. No. 2 (26). Pp. 16–20. [in Russian].
5. Yesaulov G. V. From the Ecology of Culture to Identity with Place and Time (Ot ekologii kul'tury k identichnosti mestu i vremeni) // *Academia. Architecture and Construction (Academia. Arhitektura i stroitel'stvo)*. 2025. No 4. Pp. 15–23. DOI 10.22337/2077–9038-2025-4-15-23. EDN UCVSRX. [in Russian].
6. *Identity and (One Hundred) Personality: Searching for Methods and Approaches (Identichnost' i (sto) lichnost'. Poiski metodov i podhodov)* / E. V. Barinova, N. G. Blagovidova, O. A. Ivanova // Science, education and experimental design. Proceedings of MARCHI: Materials of the international scientific-practical conference (Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie. Trudy MARHI : Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). Collection of articles, Moscow, April 08–12, 2024. Moscow: Moscow Architectural Institute, 2024. Pp. 332–337 [in Russian].
7. Kazantseva D. B., Klimova E. K., Chernysheva T. E. On the Formation of the Spiritual and Moral Foundation of Russian Civic Identity (K voprosu o formirovanii duhovno-nravstvennoj osnovy rossijskoj grazhdanskoj identichnosti) // *Humanitarian: Current Problems of the Humanities and Education (Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya)*. 2020. Vol. 20, No. 2 (50). Pp. 174–188. [in Russian].
8. Curtis W. J. R. *Modern Architecture Since 1900 (Sovremennaya arhitektura s 1900 goda)* / Translated from English. 3rd ed. London: Phaidon Press, 1996. [in Russian].
9. Lotman Yu. M. Inside Thinking Worlds (Vnutri myslyashchih mirov) // *Personal Development (Razvitie lichnosti)*. 2017. No. 1. Pp. 13–59. EDN ZOFXYD [in Russian].

10. Lotman Yu. M. On the Semiosphere (O semiosfere) // Works on Sign Systems [Collection] 17: The Structure of Dialogue as a Principle of the Semiotic Mechanism. (Scientific Notes of Tartu State University; Issue 641). Tartu, 1984. Pp. 5–23. [in Russian].
11. Plotichkina N. V. Rural identity as “identity with a place” (Sel’skaya identichnost’ kak “identichnost’ s mestom”) // Conference Proceedings of the Research Center Sociosphere (Sborniki konferencij NIC Sociosfera). 2019. No. 34. Pp. 34–38. [in Russian].
12. Rozhdestvenskaya E. S. Strategies for the revitalization of public green spaces in historical city centers (Strategii revitalizacii obshchestvennyh ozelenennyh prostranstv istoricheskikh centrov gorodov) // Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Construction and Architecture (Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel’nogo universiteta. Seriya: Stroitel’stvo i arhitektura). 2024. No. 3 (96). Pp. 175–183. [in Russian].
13. Huntington S. *The Clash of Civilizations (Stolknovenie civilizacij)* [Translated from English by T. Velimeev]. Moscow: AST, 2014. [in Russian].
14. Zheng Sh. Russia’s national identity and the international identity of the “Other” (Nacional’naya identichnost’ Rossii i mezhdunarodnaya identichnost’ «Dругого») // Social and Humanitarian Knowledge (Social’no-gumanitarnye znaniya). 2023. No. 5. Pp. 119–126. [in Russian].
15. Berger P. L., & Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Anchor Books. 1966.
16. Derman G. S. Social constructivism in international relations theory // Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series (Vestnik Evrazijskogo nacional’nogo universiteta im. L. N. Gumileva. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya). 2021. No. 4 (137). Pp. 35–50. DOI 10.32523/2616-6887/2021-137-4-35-50
17. Erikson E. *Childhood and Society*. New York: W. W. Norton & Co, 1950.
18. Erikson E. H.; Erikson J. M. *The Life Cycle Completed. In: Identity and the Life Cycle. Selected Papers*. New York: W. W. Norton & Company, 1959.
19. Frampton K. *Towards a Critical Regionalism: Six Points for an Architecture of Resistance*. In: *The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture* / Ed. by H. Foster. Bay Press, 1983.
20. Gehl J. *Life Between Buildings: Using Public Space*. The Danish Architectural Press, 2001.
21. Hall E. T. *Beyond Culture*. Anchor Books, 1976.
22. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 1996.
23. Hurd Ian. “Constructivism”, in Christian Reus-Smit, and Duncan Snidal (eds), *The Oxford Handbook of International Relations* (2008; online edn, Oxford Academic, 2 Sept. 2009), <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199219322.003.0017>, accessed 28 February 2026.
24. Khelifi S., & Mebarki A. Assessing Identity in the Recent Algerian Architectural Production: Case of Administrative Buildings of B char / S. Khelifi, A. Mebarki // *Architecture*. 2026. Vol. 6, No. 1. P. 13. DOI: 10.3390/architecture6010013.

25. Norberg-Schulz C. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. Rizzoli, 1980.
26. Stryker S., Peter J. Burke. "The Past, Present, and Future of an Identity Theory". *Social Psychology Quarterly*, vol. 63, no. 4, 2000, pp. 284–297. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/2695840>. Accessed 5 Nov. 2025.
27. Venturi R. A Justification for Pop Architecture // *Architectural Forum*. 1965. Vol. 123, No. 4. Pp. 56–61.
28. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 1999.

Об авторе:

Коновалова Нина Анатольевна — кандидат искусствоведения, советник РААСН, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), член Союза московских архитекторов. Организатор ежегодной международной научной конференции «Современная архитектура мира: основные процессы и направления развития». Автор более 150 научных публикаций по современной мировой архитектуре. Награждена медалью Союза архитекторов России «За преданность содружеству зодчих» (2024). Основные области научных интересов: современная архитектура мира, архитектура Японии, приемы сохранения традиций в современной архитектуре, архитектурные и градостроительные эксперименты на Всемирных выставках.

About the author:

Nina Konovalova — PhD in Arts, Councilor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Deputy Director for Research Work, Leading Researcher of the Research Institute on the Theory and History of Architecture and Urban Planning — Branch of the Federal State Budget Institution "Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation", Member of Union of Architects of Moscow. Organizer of the Annual international research conference "Contemporary Architecture of the World: Main Processes and Trends of Development". Author of more than 150 scientific publications on contemporary world architecture. Awarded the Medal "For Dedication to the Community of Architects" by the Union of Architects of Russia (2024). Main fields of research: contemporary architecture of the world, architecture of Japan, methods of preservation traditions in contemporary architecture, experiments in architecture and urban planning at the World Exhibitions.